

# НЕСКОЛЬКО СТАРЫХ ПИСЕМ

## К 50-летию Ивана Токарева

В 1974 году, когда наконец-то вышла в свет книга омского прозяка Ивана Токарева «За лесом — люди», мне пришлось писать о ней. Это не была рецензия, ибо не смог я бесстрастно анализировать книгу товарища, которая начала жить уже после его смерти.

Это были просто мысли, возникшие после прочтения составивших книгу рассказов и повести, — давно знакомых по газетным и журнальным публикациям или по рукописям.

А закончил я тогда свою небольшую статью такими словами: «Убежден в том, что «За лесом — люди» не останется единственной книгой Ивана Токарева». Этот первый сборник включил в себя далеко не все, что еще может порадовать читателей. Писатель работал много. «Сибирские огни» анонсировали на 1975 год его новую повесть «Домашнее пиво». Иван был требовательным к себе и не спешил отдавать написанное на суд редакторов и издателей. В его еще не до конца разобранным архиве есть рукописи вполне законченных произведений. Отбросим извечную нашу боязнь перехвалить и скажем: «Иван Токарев — прозяк незаурядный, а следовательно — имеющий право на новые встречи с читателем». И я сознательно не ставлю здесь после его имени слов «был».

Все теперь заняло свои места. Напечатано в «Сибирских огнях» «Домашнее пиво» (Записки лесовода Дмитрия Карюгина). Разобран архив. Вышла в московском издательстве «Современник» полноцветная книга «У тальников, близ дороги». И вот недавно в Омском издательстве — «Малыховские журавли». И, может быть, не нужно было бы сейчас, рискуя показаться смешным, цитировать самого себя. Но вот рядом с долгожданной московской книжкой лежит сейчас на столе небольшая пачка токаревских писем. И старая, утихшая боль возвращается вновь.

Писал он мне мало: когда

уезжал в Москву — сдавать очередную сессию в Литинституте, в Новосибирск — по литературным делам, на родину — к матери и сестрам в деревушку Усть-Китерью под Крутинкой, когда лежал в больницах. И письма-то все деловые, короткие — одна, полторы, от силы две странички. Но даже за этими считанными, сдержанными строчками видно, как нелегко жил Иван Анисимович, как любил он литературу, каким мужественным был человеком.

Прочитал дату под первым письмом и невольно вздрогнул: 16 марта 1971 года. Два года оставалось ему ходить по земле — ровно два, день в день, 16 марта 1973 года он, нештатный корреспондент радио, упадет на крутинской улице — упадет, не успев снять с плеча портативный репортерский магнитофон... А тогда, в марте семьдесят первого, Иван работал с редактором своего будущего сборника, «доводил», шлифовал рассказы и повесть: «Приехал в столицу Сибири. Работа — адская — каждый день по рассказу. Один уже переделал».

И дальше в письме сообщается неприятное, удручающее известие — одна из новосибирских газет обрушилась с критикой на опубликованный незадолго до этого в «Сибирских огнях» токаревский рассказ «Последний из Мало-Казанки». Газетный материал назывался... «Не зная броду, не суйся в воду».

Это Токарев-то не знал «броду» — не знал современную деревню, ее проблемы, ее жизнь? Он, крестьянский сын, с молодых ногтей бок о бок живший и трудившийся с деревенскими жителями, он, написавший о них сотни страниц?

Сейчас уже не хочется вдаваться в подробности и вступать в ненужный спор. Рассказ «Последний из Мало-Казанки» — весь о неизбывной любви к родной земле, к тому единственному для каждого человека месту, которое тоже есть ро-

дина, — бесспорно один из самых лучших, самых правдивых у Токарева.

«И что самое удивительное — я спокоен. К худу или к добру?» — так спрашивал в своем письме Иван.

А вот из другого письма — радостного:

«Литинститут подбил меня на «темное» дело — заочную защиту диплома. 23 декабря этот грех случился. Два дня назад получил поздравление с кафедры творчества и письмо от руководителя семинара Лобанова. Цитирую: «Защита прошла очень хорошо, все тепло и с уважением говорили о вашем таланте, о вашем глубоком знании того, о чем пишете, о меткости языка. На прошедшем перед новым годом заседании кафедры творчества, где обсуждаются итоги защиты, — официально отмечалась ваша работа как одна из самых лучших». И дальше Лобанов пишет, что рукопись заинтересовало издательство «Современник», требует перепечатанную рукопись. Она — в составе диплома, который отличается от новосибирского сборника, и это к лучшему. Положительно отзывались В. С. Курочкин, С. П. Залыгин — он был моим основным оппонентом...

...Мне немного получше. 22.V.72 г.»

В Литинституте любили и берегли студента Токарева. Заочная защита дипломной работы для того и была организована, чтобы не трястись ему, сердечнику, лишний раз из Омска в Москву.

И еще одно письмо — вроде бы полусутильное. Оно сопровождало предназначавшийся для газеты материал:

«Опять я в деревне.

Хожу на рыбалку.

Пишу вот статейки — живу нелегко.

Вчера, утомленный, пришел я с рыбалки, Добыл маловато,

заснул — глубоко.

Отдыхаю, здоровье — тьфу, ничего. Вот пишу, надо было».

«Надо было»... Я хорошо помню эту «статьку» — на самом деле острейшую реакцию о пьянстве, граничащем с прямым преступлением; с его фактами Иван Токарев столкнулся, приехав в деревню отдыхать. И, усталый, измученный болезнью, не смог умолчать, отойти в сторону — написал зло, талантливо. Корреспонденция была незамедлительно напечатана в «Омской правде» и вызвала резонанс.

В этом же письме — история рыбацких неудач и удач, а в конце — приглашение:

«Будет путь — заезжай, это от Крутинки всего 12 верст, только спрашивай меня по отчеству, ибо Токаревы — полдеревня, Иванов — тоже не счесть».

Знали ли тогда мы, его друзья, что меньше года осталось до нашей скорбной поездки в Усть-Китерью, где будут ждать нашего автобуса многочисленные Токаревы и сам он, уснувший навсегда...

Хорошо, правильно названа вторая книга — «У тальников, близ дороги». Заглавный рассказ — один из последних у Ивана — мне, почему-то особенно близок.

Поразительно, трепетное повествование о лошадиной смерти не оставляет, как это можно было бы ожидать, чувства тоски и безысходности перед неизбежностью конца для каждого живущего на земле существа. Печаль рассказа светла, как это чаще всего бывает, когда мы имеем дело с настоящей русской прозой.

«И чувствовал конюх, как уходило, кончалось для него что-то очень важное, невозможное, и в то же время неизбежное, давила на плечи тяжесть. Он впервые ощутил сегодня, что ему уже седьмой десяток, годы ощущались им как нечто реальное, что можно потрогать».

Справа, по большаку, одна за другой шли машины. На краю поля разворачивался «Кировец», и плуг, захватив обочину, весело, легко, как нитки, рвал крепкие корни дернины».

Так кончается этот рассказ. Не собираюсь подвергать анализу творчество Ивана Токарева, о нем достаточно много и хорошо писалось. Книги его живут, и это умная, нужная людям жизнь. Поэтому вновь повторю: сознательно не ставлю возле его имени слово «был».

А. ЛЕЙФЕР.